

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

MEMENTO VIVERE

Сборник памяти

А. Н. Ивановой

Составители и научные редакторы
К. А. Кумпан и Е. Р. Обатнина

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

Н. А. Богомолов

К БИОГРАФИИ Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

Памяти Ларисы Ивановой

Мы не очень много знаем о жизни Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (точнее, Лидии Дмитриевны Зиновьевой, впоследствии Шварсалон) до ее встречи с Вячеславом Ивановым. Да и эта информация чаще всего восходит к ее художественным произведениям, которые, конечно, имеют автобиографическую основу, однако преображают ее так, как представлялось нужным автору. А вместе с тем перипетии ее жизни имеют немаловажное значение для создания картины жизненных отношений Иванова, который, если говорить прямо, ради совместной жизни с Зиновьевой-Аннибал полностью прекроил свою вполне явственно намеченную биографию.

В большинстве очерков жизни и творчества Зиновьевой-Аннибал авторы разумно обходили конкретные биографические подробности¹. Там же, где эти подробности оказываются необходимы, возникают неточности, иногда довольно существенные.

Так, наибольший до сих пор авторитет в области изучения биографии Иванова О. А. Шор писала: «Когда Лидии исполнилось лет 17², ей пригласили в учителя молодого (...) историка Константина Семсевича Шварсалона (...) Сразу пос-

---

¹ См., напр.: *Баркер Екатерина*. Творчество Лидии Зиновьевой-Аннибал. СПб., 2003; *Михайлова М. В.* Страсти по Лидии // Зиновьева-Аннибал Лидия. Тридцать три уroda. М., 1999.

² То есть в 1882 или 1883 г.: она родилась, по разным сведениям, в 1865 или в 1866 году.

ле свадьбы Лидия, во исполнение поучений мужа в прошлом и к его ужасу в настоящем, примкнула к социал-революционерам и завела у себя конспиративную квартиру <...> Лето 1893 г. Лидия с детьми проводила во Флоренции <...> Сделает ли она кому-нибудь добро своей подпольной типографией — это еще большой вопрос <...> На мгновение мелькнуло лицо Лидии в освещенном окне вагона, — и она вышла на площадку, ведя за собой девочку лет четырех с огромными карими глазами»³ — и так далее. Меньше всего мы хотели бы попрекнуть носительницу семейного предания неточностями, но иметь их в виду необходимо. Первые достоверные свидетельства о ее занятиях с К. С. Шварсалом относятся к весне 1886 г.⁴ Свадьба же состоялась в ноябре 1886 г., о чем Шварсалон сообщал отцу Л. Д. Дмитрию Васильевичу Зиновьеву 19 ноября: «Вероятно, Софья Александровна подробно писала Вам о свадьбе нашей, как прекрасно служил духовник ее и Лиды, отец Колоколов (церкви Георгиевской Общины; а венчали нас в домово́й церкви Коммерч(еского) Училища). Все вынесли от его чудной службы впечатление поистине торжественного и вдохновенного настроения»⁵. Лето 1893 г. Зиновьева-Аннибал проводила в Петербурге и на Карельском перешейке, а в Италии был ее муж. Сама она в сопровождении Гревса отправилась туда в 1894 г. Во Флоренцию осенью 1894 г. приехала она одна, и лишь потом встречала там детей.

Вероятно, следует здесь же уточнить даты рождения детей Л. Д. и К. С. Шварсалон: старший, Сергей, родился в имении Зиновьевых Копорье Петербургской губ. 21 сентября 1887 г. Правда, с этой датой были небольшие недоразумения, о которых С. Шварсалон писал Иванову 2 октября 1915 г.: «...о рождении своем я даже забыл, настолько привык считать, что оно — 25-го (как у меня ошибочно значится в метрике и в

---

³ Иванов Вяч. Собр. соч.: Т. 1—4. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 20—23.

⁴ См. его письма к ней: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 45.

⁵ РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47. Л. 9—9об. Софья Александровна — мать Л. Д. Отец Алексей Колоколов был в 1880—1890-х годах весьма популярен среди петербургской интеллигентной публики. Отметим, что в словаре «Русские писатели. 1800—1917». Т. 1—5 (Т. 2: Д—И. М., 1989. С. 342) замужество Лидии Зиновьевой отнесено (вероятно, на основании сведений Шор) к 1884 г. (статья О. Б. Кушлиной).

паспорте, а не 21-го, как на самом деле»⁶. Традиционно считается, что второй ребенок, дочь Вера, ставшая третьей женой Иванова, родилась в 1890 г. Однако на самом деле это произошло годом ранее: 7 августа (нового стиля, т. е. 26 июля по старому) 1889 г., о чем Шварсалон известил Д. В. Зиновьева телеграммой. Жили они в то время в Италии, почтовый адрес был: Sta Margherita. Ligure. Casa Costa⁷. Семейная легенда о рождении гласила: «Веру она чуть не родила на скале Среди-з(емного) моря»⁸, хотя на самом деле все было не так романтично. 6/18 августа 1889 К. С. Шварсалон писал тестю: «Дорогой Дмитрий Васильевич!

Спешу несколько подробнее рассказать Вам о рождении нашей девочки (Веры).

Родилась она в 10 ч. 35 м. вечера, роды были в этот раз идеально хороши: еще в 10-м часу веч. Лидюша была в саду у моря — вечер был дивный, и мы даже катались все в лодке, — так что с небольшим час были страдания. Все шло и окончилось как нельзя лучше. Лидя в прекрасном состоянии, ребенок — большой, здоровый, крепкий и горластый»⁹.

О рождении младшего — сына Константина Шварсалон-старший известил тестя телеграммой от 23 июня 1892 г. со ст. Перкиярви Финляндской железной дороги: «Родился сын сегодня ночью»¹⁰. Это подтверждается и письмом С. А. Зиновьевой к мужу от 4 июля: «Тебе писал Лидин муж, и ты знаешь, что 23 июня она родила благополучно второго сына»¹¹.

Особого внимания заслуживает рассказ об участии молодой женщины в революционном движении. Необходимо сказать, что положительных сведений об этом семейная переписка не дает. Скорее, наоборот. Вот, например, как описывает К. С. Шварсалон жизнь начала 1893 г.: «Теперь у нас взята лишняя прислуга и Лидя имеет возможность отдохнуть. Хозяйство наше так устроилось, что кроме удовольствия и

---

⁶ РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 1. Л. 55.

⁷ Адрес имеется не только в письмах К. С. Шварсалона к Д. В. Зиновьеву, но и, скажем, в письме С. И. Алымовой к Л. Д. Шварсалон (РГБ. Ф. 109. Карт 11. Ед. хр. 25).

⁸ Письмо С. А. Зиновьевой к Д. В. Зиновьеву от 4 июля 1892 г. (РГБ. Ф. 109. Карт. 21. Ед. хр. 29. Л. 42об).

⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 46. Л. 28.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 47. Л. 13.

¹¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 21. Ед. хр. 29. Л. 42.

спокойствия — иметь свое прекрасное молоко, теперь свои яйца, — и некоторой, пожалуй, выгоды при этом, ничего другого это хозяйство не причиняет. Держать одну корову, как Вы знаете, неудобно: останешься как раз без молока; а от двух его слишком много и поневоле приходится продавать (...) Недавно присылал, по совету и рекомендации врача, просить давать ему молока — Ваш любимый писатель, Лесков. У него печень не в порядке и прописано молочное питание, а доставать в Петербурге добросовестного молока мудреное дело: если не подливают, то корм коров нездоровый. К сожалению, у нас не нашлось болсе для Лескова (...) За коровами и курами ходит у нас Дуня, девушка с Устья, премилая, ласковая и скромная (...) У Лидюши будет летом кто-нибудь гостить; кроме того, невдалеке думает поселиться мой товарищ — Яковлев с семьей, очень серьезный и почтенный господин»¹².

Из этого письма, как из ряда других, можно себе представить, что усилия Зиновьевой-Аннибал были направлены в первую очередь на то, чтобы жить самой и приучать детей к естественной жизни и физическому труду, возможно даже, что к некоторому опрощению. Но от этого еще очень далеко до участия в революционном движении. К тому же следует отметить, что никакой партии эсеров в середине 1880-х годов не существовало, она стала формироваться десятилетием позже¹³. Это ставит под сомнение и рассказы про конспиративную квартиру, а тем более про подпольную типографию. К тому же странно при такой степени привязанности к полуподпольной деятельности постоянное отсутствие в городе и приглашения погостить самых различных людей.

Список подобных неточностей и недоумений без труда можно было бы продолжить, однако мы видим свою задачу не

---

¹² Письмо от 10/22 марта 1893 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47. Л. 14—15. Домашний адрес Шварсалонов в это время: Петербург, Тверская 4. И очень похоже на то, что именно там, совсем недалеко от центра города, они и держали свое немалое хозяйство.

¹³ Слова о «поприще эсерского революционерства» (видимо, на основании тех же пассажей из сочинения Шор) были произнесены С. С. Аверинцевым (см.: *Аверинцев С. С. «Скворсшниц вольных граждан...»*. Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 42). О. Б. Кушлина на основании неизвестных нам данным пишет о том, что «ненадолго вернувшись (в 1893) в Петербург, З(иновьева)-А(ннибал) порывает с социал-демократами...» (*Русские писатели. 1800—1917. Т. 2. С. 342*).

в этом, а в том, чтобы ввести в научный оборот несколько документов, проливающих хотя бы некоторый свет на ранние годы жизни Зиновьевой-Аннибал. И по необходимости первый документ — фрагменты письма, адресованного детям «только в случае моей смерти до вашего совершеннолетия»¹⁴. Письмо это было написано в 1894 г. и является не единственным: нечто подобное Зиновьева-Аннибал попыталась осуществить и в своем дневнике этого времени¹⁵, однако в «дневниковом» варианте больше эмоциональности, чем хроники, тогда как цитируемое нами несравненно более подходит для целей реконструкции биографии:

«Характер у меня был вспыльчивый и самолюбие сильно развито, поэтому я много воевала с воспитательницами. Приемы воспитания моего становились все строже и строже, а самолюбие и упрямство мое развивалось не по дням, а по часам, поэтому я вечно вертелась в порочном круге наказаний и капризов, отравивших мне вконец всё детство. К 14-ти годам я была уже настолько невыносимо капризна, а наказания усилились и участились до таких невероятных размеров, что родные решили позвать докторов и с их совета отправить меня на несколько лет за границу в немецкую школу. Мать разузнала о строгом, религиозном пансионе немецких «сестёр», куда меня и отправили после оскорбительного и унижительного совещания о моих капризах с докторами при всей семье (...) Два с половиной (года) я провела в двух школах немецких, т. к. из первой меня исключили за непокорность строгому уставу. Мать навещала меня на ваканциях, но тем не менее я чувствовала себя очень одинокою и неподходящею к среде чуждой мне школы. Впрочем, с подругами я ладила, пыталась ладить и с воспитательницами после первой неудачи, поразившей меня в глубину души. Много раз, тем не менее, мучимая тоскою по дому и родине и чувствами, мне самой непонятными, я рыдала целыми ночами и не раз пробиралась к окну и глядела с высоты с замирающим сердцем, мечтая о том, чтобы броситься вниз и умереть. Учение было из рук вон плохое, так что ум мой не находил себе пищи и воображение уходило на шалости и задор. Почти 17-ти лет только вернулась я

---

¹⁴ Письмо хранится в Римском архиве Вячеслава Иванова, для упорядочивания которого так много сделала Л. Иванова. Приносим сердечную благодарность А. Б. Шишкину, без помощи которого работа не могла бы осуществиться, а также факультету журналистики Московского государственного университета, отчасти профинансировавшему поездку.

¹⁵ РГБ. Ф. 109. Карт. 41. Ед. хр. 4. Приносим благодарность Ю. Р. Ключковой, обратившей наше внимание на этот документ.

домой, и здесь начался 3-й период моей жизни <...> когда мне только что минуло 18 лет, я влюбилась наивною детскою влюбчивостью в офицера, недурного, неглупого, но пустого человека, который очень ухаживал за мною. Но весной я захворала корью, и болезнь внезапно открыла уму и сердцу новые горизонты. Несколько недель я имела возможность думать, и когда болезнь прошла, я встала иным человеком. Повод мыслям моим подавали: бедность городская и деревенская, всегда поражавшая мое сердце, слова отрывочные и случайные, долетавшие до меня из иного <для> меня богатого и самодовольного мира, слова, почему-то, должно быть, по врожденной склонности, находившие особенно сильный отклик в душе моей <...> Я стала думать о бедности и богатстве, о разнице положения и, смутно чуя несправедливость в жизни, окружавшей меня, я принялась искать разгадку своим сомнениям. Где было искать? У младшего брата был гувернер-студент, в деревенской школе был учитель, у них обоих были книги, которых я прежде никогда не видала. Рассказы этих людей о жизни интеллигентной молодежи, о их стремлениях помочь народу, об девушках, учащихся на курсах и готовящих себя на служение тому же народу, которому они считали себя обязанными всем, что имели. Более того: чтение книг по социологии, Писарева, Добролюбова, увлечение матерьялистами и математикой, всё это беспорядочно, клочками, перевернуло всё существо мое вверх дном <...> Я стала рваться на работу, на курсы, но мать моя воспротивилась, и здесь пришлось столкнуться двум сильным и цельным натурам, убежденная каждая в своей нравственной правоте и в невозможности из принципа уступить в своих требованиях. Мать требовала слова моего в том, что я откажусь читать книги, не прошедшие через ее цензуру, я же требовала, чтобы меня или пустили на курсы, чтобы учиться и видеть людей иного круга, или позволили взять место учительницы и самой зарабатывать свой хлеб <...> Отчаявшись получить свободу добровольно, я сговорила с гувернером братом <так!> действовать насилием. Выдумав себе какую-то сухую, теоретичную любовь к нему, я решила выйти замуж фиктивно за его товарища и бежать с ним за границу. Впрочем, этот план был очень незакончен и необдуман. Я была слишком неопытна и теоретична, он слишком слабохарактерен, да, вероятно, и пошел, чтобы серьезно взглянуть на свою роль. Он был женат на очень пошлой и глупенькой женщине, которая, конечно, не содействовала его лучшим порывам, но которая по-своему горяче любила его. Я сознавала, что доставляю сильные страдания этой глупенькой, но несчастной женщине, отнимая в будущем у нее мужа, и я утешала себя только тем, что делаю это не из личной страсти, не из эгоизма, а спокойно и логически, с математической прямолинейностью молодости обсудив положения <...>

убежденная, фанатичная и упорная, желая принести в жертву всё, всё своим убеждениям, — отдаче долга народу и исполнению слова, данного человека (так!), впервые направившего на путь этого долга мою мысль, — я страдала безропотно и не отступала. Что мое «я», мои страдания, мое сердце, о Боже, в конце концов моя жизнь дома — перед великою, безмерною глубиною народного горя? И я, не находя прямых путей, обманывала мать и близких для того, чтобы хитростью победить силу, сокрушавшую меня и обращавшую сознательную и полезную женщину-работницу в светскую, праздную дармоедку.

Но помощник и сообщник мой не только не оказался способным пробудить во мне сильного чувства к себе, но и сам настолько мало дорожил и мною и нашим общим делом, что затянул развязку слишком долго. Все намерения мои были открыты и меня, покрывая незаслуженным позором, оскорбляя морем пошлости, столь чуждым моей гордой и девственной души, перехватили, окружили домашним конвоем и, в буквальном смысле пленницей, повезли в Крым. Моего сообщника пытались сослать административно, чем, конечно, повредили и мне в глазах полиции»¹⁶.

Привести эти фрагменты обязывало нас само содержание документа, который мы полагаем необходимым опубликовать полностью: письма К. Д. Кавелина к Л. Д. Зиновьевой. Оно было написано за полтора месяца до смерти (Кавелин скончался в Петербурге 5 мая 1885 г.) и относится, таким образом, к числу его последних документов, в то же время чрезвычайно ярко рисующих ситуацию соотношения различных поколений: постепенно обретающего силу совсем молодого поколения русских писателей, мыслителей и деятелей конца XIX и первой половины XX в., и старшего — наивных прекраснодушных идеалистов середины и второй половины XIX в., отнюдь не склонных к революционаризму, но тем не менее ощущающих все более усиливающуюся его притягательность.

К сожалению, мы не можем сказать, откуда Л. Д. Зиновьева знала Кавелина настолько, чтобы обратиться к нему с исповедальным письмом. Судя по некоторым намекам в письме, они могли быть соседями по имениям (Зиновьевы много времени проводили в своем Копорье недалеко от Петергофа), но возможно, что это было светское знакомство. Но вполне ве-

---

¹⁶ На этом текст практически заканчивается. Последняя сохранившаяся фраза неинформативна.

роятно, что поводом для письма послужила деятельность философа.

Только что, в конце 1884 г., Кавелин напечатал в трех номерах «Вестника Европы» большую работу «Задачи этики», которая подводила итоги его не слишком мудреной, но чрезвычайно привлекательной для многих и многих современников этической философии. Не случайно он ссылается на нее в публикуемом письме, как не случайно и то, что 23—24 июля 1885 г. Д. М. Дмитриевская, через год ставшая первой женой Иванова, пишет ему: «Взгляд на жизнь, который я узнала из статьи Кавелина “Задачи этики”, по-моему, самый верный, и он так поразил меня своей ясностью (...) что я намерена осенью приобрести эту статью и сделать ее в моей жизни (вместе с твоими стихами) руководительницей...»¹⁷. Для Зиновьевой-Аннибал эта работа, как и вообще этическая философия Кавелина, не могла быть сколько-нибудь важной, и в этом она до некоторой степени была предшественницей довольно многих современных авторов, писавших о поздних трудах философа¹⁸. Ее последующая жизнь свидетельствует, что все поведение, вся жизненная линия строились принципиально иначе, чем предлагалось старшим собеседником. Обдумывание и серьезная работа заменялись моментальным выплеском творческой энергии, что иногда приносило удачи (как совершенно спонтанное возникновение драмы «Кольца» в Париже летом 1903 г.), иногда жестокие разочарования.

В нашем контексте, пожалуй, стоит слегка коснуться истории сдва ли не самого горького разочарования в жизни Зиновьевой-Аннибал. Вспоминая ее через 28 лет после начала знакомства, М. Кузмин записал в дневнике: «Училась петь она у Виардо и, вероятно, благодаря деньгам добилась дебюта в миланском “La Scala”, но в день спектакля паралич поразил ее голосовые связки»¹⁹. Видимо, такова была домашняя легенда, которую близко знакомый и даже живший в квартире

¹⁷ РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 29. Л. 47.

¹⁸ Типичный образец — оценка «Задач этики» в работах: *Кантор В. К.* 1) [Предисловие] // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 8; 2) Судьба идей К. Д. Кавелина в контексте общественно-литературных споров в России XIX века // Вопросы литературы. 1990. Август. С. 64: «Личность... — есть необходимос условие всякого духовного развития народа».

¹⁹ *Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб., 2007. С. 68.

Ивановых Кузмин усвоил. На деле же все было не так. Зиновьева-Аннибал решила стать певицей лишь осенью 1893 г., после разъезда с мужем (напомним, что ей в это время 27 лет и у нее трое детей), некоторое время спустя берет учительницу. Лето 1894 г. проходит без каких бы то ни было занятий, осенью 1894 г. она начинает заниматься у различных итальянских преподавательниц, и уже весной 1895 г., меньше чем через полтора года систематических занятий, настойчиво пытается дебютировать — то ли в каком-либо итальянском оперном театре, то ли русской императорской сцене. Ни тени сомнения в том, что она этого достойна, у нее не возникает. Только когда П. Виардо, несколько уроков у которой Зиновьева-Аннибал действительно взяла, сказала ей, что ничего нельзя сделать, время упущено, она согласилась петь лишь на домашних вечерах и любительских концертах. Очень похожа на эту и история создания ее романа «Пламенники», писавшегося с налету, неоднократно переделывавшегося, даже отчасти набранного. Всякий человек, причастный к литературе, который получал текст «Пламенников» (кроме мужа автора), испытывал едва ли не мистический ужас, и при всем желании угодить Иванову отказывался уронить марку своего издания. Так было с Мережковским, так было и с Брюсовым. «У Брюсова волосы подымались дыбом, когда в редакцию вносили объемистую рукопись Зиновьевского романа»²⁰.

Особый склад личности, заложенный с детства, определял жизнь и художественные устремления Зиновьевой-Аннибал на протяжении всех лет совместной жизни с Ивановым. Как свидетельствует их переписка²¹, бывали периоды, когда Иванов относится к стилю ее поведения с иронией, но по большей части — преувеличивал значимость ее достижений. А так как современные читатели и исследователи практически всегда видели Зиновьеву-Аннибал его глазами, то не могло и не создаться известной аберрации зрения. Публикуемое письмо позволяет хотя бы отчасти взглянуть на эту личность иными глазами и на основании этого создать более объективную характеристику ее психологического склада. А это, в

---

²⁰ Там же. С. 70.

²¹ В настоящее время полный текст переписки Иванова и Зиновьевой-Аннибал готовится к печати Д. О. Солодкой, Н. А. Богомоловым и М. Вахтелем.

свою очередь, дает основания и для того, чтобы понять логику восприятия ее личности мужем.

В то же время, с нашей точки зрения, это письмо служит отличной иллюстрацией мировосприятия того типа людей, к которому принадлежал Кавелин. Вероятно, кому-то может привидеться в его рассуждениях апология «умеренности и аккуратности». Однако это вовсе не так. Кавелин занимает позицию ученого, видящего шаткость оснований тех учений, которые основываются не на критическом восприятии своего материала, а лишь на внешности, на словах, лишенных сколько-нибудь осмысленного внутреннего содержания. По всей видимости, произнося слова о том, что «наука есть исследование, труд, работа, медленно, шаг за шагом завоевывающие знание и свет, а не Коран, не провозглашение прав, распространяемые в мире огнем и мечом, с пеной у рта, истребляющие то, что есть, во имя воображаемого лучшего будущего», Кавелин протестует против попыток усвоить русскому бунту некоторое «передовое мировоззрение». Но на деле его мысль оказывается еще глубже и, пожалуй, актуальнее: человеческое знание вообще должно основываться не на чужих авторитетах, какими бы близкими тебе лично и существенными в нынешней ситуации они ни казались, а на добросовестном изучении материала и критическом отношении к теориям, сформулированным по данному поводу. Одним словом, Кавелин призывает свою юную собеседницу подчиняться велениям разума, что для нее было органически невозможно. Но письмо она хранила в своем архиве, и через все жизненные перипетии Зиновьевой-Аннибал оно дошло до нас.

Письмо хранится: РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 2. Сохранены некоторые особенности правописания автора.

19 марта 1885

Благодарю Вас, Лидия Дмитриевна, за доверие, которое Вы мне оказали Вашим письмом. Оно полагает на меня нравственную обязанность, не отделяясь общими местами и уклончивыми фразами, высказать Вам прямо и откровенно то, что я думаю о Вашем положении и о том, что Вам делать, чтоб из него выйти. Мне это тем легче, что я сам в молодости находился точно в таком же положении, так же страстно, как Вы, отдавался идеалам общего блага, так же, как Вы, вырывался или, если хотите, выбивался из обстановки, которая не давала полету моих стремлений той свободы, о какой я

мечтал. Теперь я старик; но обращаясь к прошлому, я нахожу, что и теперь остался таким же, каким был, с тою же непреклонною верою в идеалы общего блага и горячностью в их преследовании; вся разница только в приемах, в оценке своих сил, в отношении к той среде, во взгляде на свои и ее права на существование. Разбирая себя, свои взгляды и стремления теперь и сравнивая их с теми, какими я жил около полувека тому назад, я не чувствую ни нравственной усталости или надорванности, ничего похожего на презрительное или насмешливое отношение к тому, что мне было дорого и свято в молодости, чем я тогда жил и дышал полною грудью. Я теперь тот же, чем был тогда, и в то же время совсем другой. В чем же разница и откуда она, чем ее объяснить? Вот что я Вам хочу рассказать и что, я думаю, будет для Вас полезно в Вашем теперешнем тяжелом положении. В моем личном развитии перед Вами раскроется картина того, что Вы есть, и того, чем Вы непременно, рано или поздно, будете впоследствии.

Пятьдесят лет спустя после моей порывистой, кипучей молодости, когда я горел самыми высокими и святыми чувствами и стремлениями, как Вы теперь, я беспрестанно, ежеминутно повторяю себе: какое великое, беспримерное, неоцененное счастье, что увлечения молодых, неопытных лет не натолкнули меня на такой шаг, на такой поступок, который оставил бы неистребимый след на всю мою жизнь! Было и в моей жизни много такого, о чем я теперь сожалею; во многих случаях я бы поступил иначе — умнее, рассудительнее; но не случилось, к моему великому благополучию, ничего такого, в чем бы теперь, под старость, мне приходилось горько раскаиваться (так!) или мучиться совестью. К счастью и — спешу прибавить — без всякой с моей стороны заслуги — я не совершил в жизни ни одного такого поступка, который бы испортил мне всю жизнь или был причиною несчастья других людей, свел бы их с горя в могилу или отравил им существование. Когда период кипения и бешеных порывов прошел, и я стал с годами спокойнее, опытнее, приобрел над собою и своими движениями больше власти, оказалось, что я прошел самую опасную пору жизни без горестных душевных ран. Старость моя светла и ясна, как в хороший летний тихий вечер перед закатом. С отцом и матерью я нередко ссорился, как всегда молодые со старыми; но никогда до полного разрыва у нас не дошло. Мать, с которой я всего больше сталкивался, видела во мне самого любящего сына, потому что, несмотря на ссоры, делал все, чтоб успокоить ее старость, благословила меня на смертном одре и ее последняя слеза была посвящена мне, — горюя о том, что она расстаётся со мною навеки. В молодости я тоже увлекался любовью и страстью; но от них никто никогда не страдал, ничья жизнь не была помята или искалечена, никто кулаками

не утирал слез и не бил себя в грудь от раскаянья и горя. Повторяю, во всем этом нет и не было ни малейшей заслуги с моей стороны. Так случилось, к моему великому, величайшему счастью. Оттого так прозрачна, светла и тиха моя старость.

Вот чего я от всего сердца желаю и Вам, Лидия Дмитриевна! Пусть крылатая молодость Ваша пройдет, не оставя тяжких следов на Вашей судьбе и Вашей совести. Тяжко и горько с ними жить. От радужных и светлых Ваших порываний, Вы, с такими следами, скоро перейдете к разочарованию и ожесточению, которые, как тень, будут Вас преследовать и отравлять каждую минуту Вашей жизни. Вы собирались бежать с любимым, сочувственным Вам по мыслям и убеждениям человеком, — мужем и отцом семейства — в Швейцарию. Какое счастье, что это Вам не удалось, что Вам помешали! За чем бежать в Швейцарию? Разве там разрешены все социальные вопросы, правда, справедливость и счастье людей разве там осуществились уже на деле? Что Вам там делать? Изучать социальные вопросы? Но ведь это Вы можете так же хорошо и основательно делать и здесь, даже лучше, потому что применение великодушных задач, которые Вы носите в Вашем сердце, ближе Вам в среде, Вам знакомой и близкой, чем в той, которую Вам пришлось бы еще долго и пристально изучать. С Россией Вы связаны неразрывно всем, а Швейцария Вам совсем чуждая страна, и Вы ей чужая.

Вы говорите, что любите человека, с которым хотели оставить родину. По горячему сочувствию к его стремлениям и задачам, которое Вас с ним связывает, Вы заключаете, что его любите. Допросите хорошенько свое сердце — не обманываете ли Вы себя? Нет ничего легче, как принять за любовь волнение страсти или благоговение перед человеком за его талант, ум, характер, подвиги, заслуги, а между тем нет большего личного несчастья, как такое смешение. Сколько проходит перед моею памятью жертв такого *qui pro quo*! Любовь есть чувство особенное, которое возникает в душе Бог знает откуда, как и почему, часто вопреки всяким резонам и доводам, еще чаще при полном несходстве характеров, понятий и взглядов. Я не говорю, что Вы этого человека не любите, но я крепко стою на том, что Вы не знаете, любит ли он Вас и любите ли Вы его. Ни того ни другого Вы не знаете и не можете знать. Хорошо, если Вас соединяет действительная, серьезная, глубокая любовь. Она искупит отчасти страдания, неразрывные с союзом, которого не признает ни закон, ни общество, ни Ваша семья и родные. Ну а если окажется, что Вы оба ошиблись друг в друге, т. е. ошиблись в Ваших чувствах, и после первых восторгов Вы оба разглядите, что между вами очень мало или ничего общего? Что облегчит Вам бремя несчастий, которые на Вас разом обрушатся со всех сторон после решительного шага, который Вы задумываете? Пощадите себя,

если не других! Подумайте! Ведь Ваша ставка — пан или пропал. Вы ставите на карту все, всю свою жизнь, и играете втемную, причем шансов выиграть один, а шансов проиграться в пух и прах — 99. Признаюсь Вам: я на месте человека, которого Вы любите или думаете, что любите, ни за что на свете не принял бы от Вас такой жертвы, и то, что он готов ее от Вас принять, дает мне невыгодное понятие не только о его нравственном характере, но и о роде чувств, которые он к Вам питает. Я бывал несколько раз в жизни, еще очень юным, в подобных положениях, и никогда, ни разу не принимал подобных жертв, не только от молодых, неопытных девушек, но и от замужних женщин, любимых мужьями и счастливых в своей домашней обстановке. Растоптать ногами чужой душевный мир, пользуясь увлечением, страстью, слабостью, — что же может быть позорнее и отвратительнее подобного преступления! Счастливая звезда меня от него избавила. Его я никогда не совершил.

Вы говорите, что любимый Вами человек несчастлив в своем браке, что его жена его недостойна. Но почему Вы это знаете? Ведь для определения счастливого и несчастливому супружества нет никаких внешних, оказательных признаков. Ни красота и грация, ни ум, ни талант, ни материальное благосостояние и бедность, ни характер, ни даже добродетельность и порочность — ничто в мире не дают возможность заключать, что брак счастлив или несчастлив. Стало быть, вы судите по тому, что Вам кажется по отзывам самого любимого человека. Что касается до личных впечатлений, то поверьте моей долголетней опытности — они относительно супружеских отношений чрезвычайно обманчивы. Сколько мне случалось видеть браков, с виду очень неладных; а на самом деле оказывалось, что супруги не могут жить друг без друга и срослись в один неразрывный союз. Не верьте и дурным отзывам супругов друг о друге: часто, слишком часто они не более как самообман под влиянием минутной ссоры, которая завтра же забывается. Но когда брак действительно несчастлив и между супругами существует глубокий разлад, — я, признаюсь Вам, с большим недоверием и неуважением смотрю на мужа или жену, которые разывают брак и расстаются, бросая детей и друг друга на произвол судьбы. Любовь и привязанность — далеко не все в браке. Он устанавливает еще и обязанности относительно детей, не виноватых в том, что они родились на свет Божий, относительно оставляемого супруга, когда ему жить нечем. В каждом неудачном браке вина не на одной стороне: виноваты, более или менее, оба, и муж всегда больше, потому что он самостоятельнее и свободней по своему положению. Если ему жизнь в семье опротивела, то он не может с нею разорвать иначе как обеспечив существование жены материально, а воспитание и содержание детей материально и нравственно. Не выполнив доб-

росовестно этих обязанностей, он не может расстаться с своей семьей, оставаясь честным человеком. Как Вы назовете хозяина или хозяйку, которые отпускают на голодную смерть беспомощную служанку или престарелого слугу, когда они им больше не нужны? А ведь ничем не лучше бросить на произвол судьбы семью, которую создал сам бросающий. То и другое одинаково бесчеловечно и безнравственно и не может быть ничем оправдано. Кто так поступает, тот черствый эгоист. Кажущаяся его гуманность, преданность общему благу есть напускная, деланная, фальшивая. Настоящая гуманность никем не жертвует, а, напротив, себя приносит в жертву другим.

Соединяясь с женатым человеком, который из-за Вас — допустим, что это действительно так, — выбрасывает за окошко свою семью, — Вы совершите дважды бесчеловечный, негуманный поступок: во-1-х, Вы косвенно будете виною гибели семьи любимого человека, и, во-2-х, Вы внесете горе в Вашу собственную семью. Как там ни рассуждайте, но если свет, общество, люди смотрят на связь девушки с кем бы то ни было, а тем более с женатым и семейным человеком как на позор и клеймо для ее семьи, то Вы не можете претендовать на то, что Ваша мать, сестра, братья и родные с страхом и ужасом смотрят на Ваши намерения и делают все возможное, чтоб они не исполнились. Как бы каждый из нас не смотрел на свои поступки, чувства и решения, мы не имеем права созидать свое благополучие и достигать своих целей на счет спокойствия, счастья и благополучия других, — это аксиома, правило без исключения для всех, кто действительно хочет быть передовым, гуманным и кичится этим. Только эгоисты преследуют свои идеалы, не заботясь и не думая о других; гуманность и передовые идеи в таком случае служат только обманчивым покровом для личных, себялюбивых целей. Когда для достижения общего блага мне нужно раздавить благо хоть одного человека, разбить существование хоть одного человеческого существа, верьте — это не общее благо, а лживый его призрак. Общее благо не Молох; оно не нуждается в человеческих жертвах.

Вы жалуетесь горько на то, что Ваша матушка стесняет выбор Ваших чтений. Я знаю Ваше семейство очень давно и сужу о Софье Александровне не по личным впечатлениям, а по ее делам и по отзывам копорских и соседних крестьян. Она делает массу добра и заботится о крестьянах и крестьянских детях как мать, больше иной матери. Вам, до последнего времени, она никогда не отказывала в средствах образоваться, как того требует наше время и как Вы сами желали. Но Вы не вправе, не можете и не должны требовать от нее, чтобы она смотрела на все Вашими глазами. Ваше последнее решение привело ее в ужас, и этому нечего удивляться: я к Вам по обра-

зу мыслей стою ближе, чем Ваша матушка, но и я не нахожу возможным сочувствовать Вам в Ваших последних решениях. Софья Александровна приписывает их влиянию политико-экономических и философских учений. Я довольно ими занимался на своем веку и думаю, по собственному опыту, что они не приводят к тем взглядам на цели жизни, на каких Вы остановились. Но я вполне понимаю, как и почему она возненавидела и Политическую Экономия, и Философию. Подумайте, сравните себя с Вашей сестрой, которая этими науками не занималась, и скажите, положила ли она руку на сердце, могла ли Ваша матушка прийти к другому выводу? Вот две дочери: одна дает полное счастье всем вокруг себя и далека от всяких ученых умствований; другая во имя этих умствований готова погубить себя, вносить смуту в жизнь хорошей, честной семьи. Прямой и простой вывод отсюда: вся вина в проклятой учености. Вы сами навели Вашу мать на такое заключение, и вините в нем себя, а не ее. Вы приняли верхушки науки, выдержки из нее, за самую науку. Но и Политическая Экономия, и Философия в наше время не довольствуются готовыми программами и сентенциями, которых тщета и бессилие разрешить вопросы давно доказана. Наука в наше время прежде и больше всего критическая, располагающая не к скорому и легкому решению задач жизни, а, совсем напротив, к глубокому раздумью и упорному, систематическому труду и усиленной работе мысли. Ничто не дается с одного маха, всего менее в науке. Хотите серьезно заняться ею, не довольствуясь скорыми и легкими, но зато и поверхностными выводами, — я убежден, что Ваша матушка не только в этом мешать не будет, напротив, она охотно даст все к тому средства. Не будет никакого труда убедить ее в том, что между серьезной наукой и научным жаргоном, под которым скрываются одни фразы, а не глубокие критические мысли, нет решительно ничего общего.

Вы, между прочим, говорите в Вашем письме, что счастье есть цель и задача жизни. Я об этом много писал в своих «Задачах Этики». Жизнь есть жизнь, в которой есть и минуты счастья, и минуты несчастья, и много целых годов, месяцев, недель и дней не счастливых, не несчастных, а так себе, серых, прозаических, наполненных заботами о том, без чего прожить нельзя. Мы все, не исключая и Вас, привыкли валить прозу жизни на других, а себе выгораживаем ее праздничную сторону, разумея под нею не одни утехи и радости, но и чрезвычайности всякого рода, говорящие воображению, кипящие кровь, волнующие ум. Без них мы скучаем и жалуемся на пустоту жизни. Это своего рода барство, хотя бы мыслью и любовью мы обнимали весь мир и всех людей. Знаете ли Вы или нет, что при расчете пищи для коров полагается большая часть такого корма, который не заключает в себе ничего питательного и служит как бы

балластом, без которого скот, т. е. его желудок, обойтись не может? Такова и проза жизни, изредка перемежающаяся мгновениями великого счастья и больших несчастий. Без этой прозы, наполненной необходимым, часто скучным трудом, немислимо существование. Без нее мы бы скоро сгорели и исчезли.

Вы спрашиваете, что Вам делать, что начать, как разобраться в хаосе? Вас глубоко оскорбляет, что честность и чистота Ваших мыслей и намерений заподозрены и не признаются Ваши близкими. Мне кажется, Вы тотчас же сами, без всякого совета, проложите себе путь ко всему лучшему, когда этого сами серьезно захотите. Стоит Вам только подумать и убедиться, что если Вы хотите быть тем или другим, достигать тех или других целей, то и окружающие Вас точно так же хотят быть тем, что они есть, и достигнуть своих целей. Выход из этого один — прийти к какому-нибудь соглашению, которое и даст возможность и Вам и Вашим близким существовать без глубокого взаимного раздражения. У Вас сердце доброе, Вы горячо любите детей: займитесь школьным воспитанием и обучением. Какое широкое и плодотворное поле деятельности для общего блага и на пользу народных масс! Вы интересуетесь знанием, наукой: наукой вообще заниматься нельзя, не сделавшись вероглядом, поверхностным человеком, который довольствуется общими местами и непроверенными общими выводами. Наука — целый необъятный мир, которого малая часть потребует глубоко и упорного изучения в продолжение целой жизни, прежде чем человек получит право сказать, что он эту малую часть знает порядочно. Когда моя покойная дочь, кончая гимназический курс, намеревалась заняться наукой, я говорил ей то же, что говорю Вам теперь: выбери один какой-нибудь предмет, изучи его глубоко и основательно, начав с учебника, а потом перейди к монографиям, которые подробно трактуют ту часть предмета, которая тебе почему-либо кажется особенно интересной. Моя дочь последовала моему совету, выбрав предметом изучения историю, основательно проштудировала сначала учебник — так основательно, что изумляла своими познаниями опытных учителей и профессоров, и потом начала так же основательно изучать и другие части и эпохи истории по первоклассным монографиям. Результат был тот, что из нее вышла действительно ученая женщина и образцовая учительница. Повторяю, я совершенно убежден, что такое занятие наукою не встретит в Вашей матушке ни малейшего противодействия; напротив, она будет радоваться и гордиться успехами Вашими на этом пути. Она с справедливым недоверием относится к тому, что, выдавая себя за науку, а на самом деле не будучи ею, представляет собрание сентенций, будто бы решающих бесповоротно и окончательно судьбы мира и все тайны человеческого существования. Такой науки нет и

быть не может. Наука есть исследование, труд, работа, медленно, шаг за шагом завоевывающие знание и свет, а не Коран, не провозглашение прав, распространяемые в мире огнем и мечем, с пеной у рта, истребляющие то, что есть, во имя воображаемого лучшего будущего. Наука, — настоящая, а не мнимая, критическая, не заключающаяся в общих местах, сентенциях и громких, но бессодержательных фразах, помирят Вас с жизнью и обстановкой, внесет спокойствие и отраду в Вашу душу, поборет Вашу самоуверенность и требовательность от других. Наука даст Вам понять, как трудно достигнуть того, что способно подвинуть человеческий род хоть на самый малый шаг вперед, приучит к выдержанному, методическому труду и терпению. Эти благодатные плоды научной работы поставят Вас в нормальные отношения к среде, в которой Вам суждено жить и действовать. Займитесь наукой серьезно — и Вы скоро разберетесь в хаосе, который Вас тяготит. Она выучит Вас владеть собой, своими мыслями, чувствами и поступками — первой и благодатной целью для каждого человека в жизни. Вы молоды, начинаете жить, и наладиться в хорошую колею, при некотором усилии, Вам не будет трудно. Ваши порывания и стремления, внушенные благородным сердцем и чистыми помыслами, войдут в правильную колею и выиграют в глубине и энергии. Помните, что истинная сила всегда спокойна. Раз что Вы так наладите Вашу жизнь и деятельность — теперешние недоразумения, диссонансы и страдания скоро исчезнут и забудутся всеми, кому Вы близки и дороги. Сами Вы будете вспоминать об них как об ошибках мысли и благословлять судьбу, которая помешала Вам осуществить их в поступках, после которых уже нет возврата.

Вы требовали от меня откровенного и сердечного отзыва на Ваши страдания, сомнения и вопросы.. Верьте, что я положил всю душу в этот длинный ответ, не кривя ею ни перед Вами и ни перед кем. Пишу только то, что думаю в самых затаенных уголках моего сознания, исполняя нравственную обязанность, долг совести перед Вами. Будет мой ответ Вам по душе — последуйте моему совету, поборите себя. Не будет по душе — делайте как знаете, но не пеняйте ни на кого, если погибнете безвозвратно для себя и для других, жертвою самых горестных иллюзий. Перед Вами две дороги. Выбирайте любую, но знайте наперед и помните, куда каждая ведет.

Ваш К. Кавелин.

Перечитав свое письмо, спешу дополнить сказанное в нем следующим: не только для Вас, Ваших родных и близких, но и в интересах общего блага, которое так дорого и близко Вашему сердцу, Вы должны побороть себя, оставаться в среде, которая дана Вам судьбой, начать сближение с миром служения правде примирением

с ближайшей обстановкой, уметь найтись в ней. Правда, истина, благо в жизни не есть программа, а живой факт, который растет из малой ячейки и разрастается все больше, шире, обнимая наконец всех и все. Хороший полководец начинает свою карьеру с солдатской службы, отличный сельский хозяин — с полевого работника, первоклассный художник, ученый — с ученических упражнений. Кто хочет других учить, тот должен сам учиться, кто хочет работать на благо других — тот должен выучиться создавать благо и счастье в своей непосредственной обстановке. Работа для других есть прежде и больше всего работа над самим собой. Недаром сказано в Евангелии: кто хочет быть господином над другими, тот пусть будет сперва слугою всех. Заносчивость, самоуверенность, убеждение, что только мы правы, а все другие — неправы, что нам нужен простор, а другие должны потесниться, чтобы дать нам дорогу, — взгляд неопытности, с которым скоро приходится расстаться, и чем раньше, тем лучше. Не отказываться от того, что Вам дорого и свято, приглашаю я Вас, а, напротив, выучиться сделать Ваши взгляды и убеждения понятными, серьезными и сносными для других. Надо убеждать, а не ломать, сближать с собою, а не отталкивать, чтобы Ваши взгляды получили право гражданства между людьми. Противник Вас не поймет, пока Вы не вдумаетесь в его склад мыслей и не поймете, что заставляет его думать иначе, чем Вы. Поверьте, те, чей образ мыслей Вам не симпатичен, почти всегда, за очень редкими исключениями, так же хотят добра и правды, как и Вы, только расходятся с Вами в путях, которые к ним ведут. Когда Вы в этом убедитесь, Вы станете снисходительнее, добрее, терпеливее и будете сами шире смотреть на вещи.